

Владимир РЯБУШКИН

КАК ЗАКАЛЯЛОСЬ ЖЕЛЕЗО

...

12+

Владимир Рябушкин
Как закалялось железо

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Рябушкин В. Ю.

Как закалялось железо / В. Ю. Рябушкин — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Книга о том как стать Ironman. Книга о том что можно стать железным человеком никогда до этого профессионально не занимавшись спортом.

© Рябушкин В. Ю., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Владимир Рябушкин

Как закалялось железо

ДЕТСТВО

По логике, с этой книжки должно было все начаться и плавно перейти к тому, как все продолжилось (очень надеюсь, не закончится и будет продолжение), но получилось, как это ни странно, и как это часто бывает, все наоборот.

Эта книжка, которую я решил написать, оказалась второй. Может возникнуть масса вопросов: чем я отличаюсь от других, чем я лучше других, обладаю ли я какими-то экстраординарными способностями и так далее?

С какой стати и почему я пишу книжку про себя?

Я не знаменитость, не украл миллиард, и не заработал миллиард, не стал президентом ну или хотя бы министром, не вундеркинд.

Я достаточно скромн, я обычный менеджер среднего звена, у меня, в принципе, достаточно все хорошо, как говорится, грех жаловаться, да и президентом я все-таки стал по воле случая, правда, не страны, а областной федерации триатлона.

С недавнего времени, если вы прочли мою первую книжку, то вы уже в курсе, это мой любимый вид спорта. Поэтому здесь все логично.

И я подумал, а почему бы и нет, кто сказал, что творчество – это привилегия каких-то особенных людей?

В конце концов, я имею возможность, желание и, наконец, право написать книжку и рассказать про себя, а у вас есть всегда выбор читать ее или нет.

И вот в ходе моих внутренних противоречий и споров меня с самим собой, победил я.

Начну с нуля, ну то есть с того, что я помню из моего очень раннего детства.

Родился я, внимание, 22 апреля 1969 года. Узнаёте дату? Не кажется ли она вам знакомой?

Конечно же узнаёте, дату 22 апреля знает каждый – день рождения нашего вождя Владимира Ленина.

А теперь догадайтесь, почему это меня назвали Владимир? Правильно, в честь Ленина.

В то время быть хоть как-то причастным к Ленину было очень волнительно и почетно.

Скажу больше, я был в детстве очень кудрявым милым мальчиком, ангелочком, как частенько меня называли люди, видевшие меня впервые и плохо знакомые с моим характером и внутренним миром.

Особое умиление у окружающих я вызывал своей обезоруживающей улыбкой, я это знал и уже тогда всю этим пользовался.

Самое интересное, я был очень похож на маленького Ленина, которого мы все помним на октябрьских значках.

Кстати, чем это не причина моей особенности? По логике окружающих, я еще должен был быть таким же умным, как Ленин, и это создавало мне дополнительную психологическую нагрузку, потому как ну не дотягивал я до Ленина.

Я это тоже прекрасно понимал, в отличие от взрослых почему-то.

Мне приходилось постоянно напрягаться и изворачиваться, чтоб не разочаровывать окружающих.

В скором времени я понял, что, чтобы подпитывать иллюзии окружающих, достаточно делать ангельское выражение лица, и тогда до сравнительного анализа моих умственных способностей и Ленина очередь не доходила.

Дополнительный отпечаток на мой имидж накладывали мои родители, а точнее, их профессия.

Хотя они оба уже на пенсии, но профессия учителя у них в крови, а потому они были, есть и будут учителями.

В данном случае можно провести аналогию с полицией. Так же как бывших ментов не бывает, в случае с моими родителями – бывших учителей не бывает.

Тогда еще, будучи совсем маленьким, я не понимал до конца фразы «брошенный ребенок», но я часто ее слышал. Догадаетесь, от кого? От моей бабушки. А почему? Да потому что на самом деле мои родители день и ночь пропадали на работе, воспитывая и обучая других детей, а на меня у них, естественно, не хватало времени.

Честно сказать, меня это не сильно тяготило, потому что родители у меня были очень строгие. Иногда мне было на руку, что до меня у них не доходили руки в прямом смысле этого слова.

Зато с бабушкой мне была благодать. Она у меня была, как говорится, золотая. Она меня, естественно, безумно любила, так как я был единственным внуком, бесконечно баловала меня, я не знал отказа ни в чем.

У меня дома был практически второй «Детский мир». Бабушка у меня работала в гостинице «Дом колхозника», которая располагалась недалеко от магазина «Детский мир» на ул. Ленинградской. Каждый день после уроков я устраивал десант в магазин и всякий раз возвращался с новой добычей – игрушкой.

Единственное, что меня сейчас немного расстраивает, это то, что, к моему сожалению, раньше не было таких высокотехнологичных игрушек, как сейчас.

Я немного отвлекся и перескочил дошкольное время. Из того времени я мало что помню, за исключением некоторых историй, которые почему-то остались в моей памяти.

Итак, по порядку.

Сразу оговорюсь, что могу ошибиться в хронологии событий, но вам меня не подловить.

Это могут сделать только мои родители.

Со слов моих родителей, у меня с самого раннего детства уже была тяга к технике, правда, тогда я ломал все, что только можно сломать.

Особенно мне нравилось разбирать старый проигрыватель или приемник, который отец мне подкидывал в кровать, чтоб я не мешал ему работать дома.

Я часами сидел в кроватке, сопел и разбирал аппарат. Самое интересное, не понятно, как у меня это получалось. Потом отец забирал его у меня, приводил в первозданный вид, забрасывал мне в детскую кроватку, и все повторялось снова.

Когда мне стали покупать игрушки, соответствующие моему возрасту, я стал разбирать уже их, но, к сожалению, их уже нельзя было собрать обратно.

Одним из моих любимых занятий в то время было катание на мотоцикле.

Отец не разделял моих увлечений и не поддерживал меня в моем пристрастии, потому что, к его сожалению, роль мотоцикла выполнял он сам.

Для меня это выглядело достаточно просто.

Я укладывал отца на спину (и не обязательно на кровать, это могло быть и на полу), его живот был моим седлом, руки выхлопными трубами. Больше всего мне нравилось заводить мотоцикл, поэтому он у меня все время глох.

На беду папы «заводилка» в моем представлении находилась у него на ребрах сбоку.

Да, забыл, предварительно нужно было повернуть ключ в зажигании, никогда вам не догадаться, но это был папин нос.

Мои экстремальные покатушки выглядели следующим образом: я раскладывал отца в позу мотоцикла, залезал на него верхом, устраивался на его животе, крутил ему нос, – и вот кульминация – немного привставал и, пяткой пиная его по ребрам, пытался «завести».

Примерно с пятой попытки (иногда попыток было больше, но никогда не меньше, так как процесс этот доставлял мне удовольствие) я все-таки заводил мотоцикл.

Дальше было два сценария.

По первому – он глох сразу и все повторялось, а по второму – я ехал на нем, но недолго.

Да и ездой это нельзя было назвать, это была бешеная гонка по очень и очень неровной дороге. Всю дорогу папа был в напряжении, потому что на самом деле я прыгал у него на животе.

Неожиданно, но не для меня, а для папы, все прекращалось – мотоцикл глох. Но облегчения не наступало. Все начиналось сначала. Кататься я любил.

Вот так я развлекался. Отец, будучи мудрым человеком и поразмыслив, что любая техника при нещадной эксплуатации быстро изнашивается, решил найти себе замену.

В один прекрасный день отец подарил мне педальную машину. Я практически жил в ней и даже засыпал. Именно с того самого момента я полюбил автогонки и увлекаюсь ими до сих пор.

Я даже, когда был маленьким, хотел быть водителем, потом, повзрослев немного, хотел быть испытателем автомобилей и работать на АвтоВАЗе. Слава богу, не все детские мечты сбываются.

Вообще с подарками от отца дела обстояли очень интересно. Ну как интересно, он был очень серьезным и полной противоположностью бабушке. Отец никогда меня не баловал и не задаривал игрушками. Причем сам этим гордился и всегда говорил: «Я тебе за всю твою жизнь сделал всего два подарка, которые ты запомнишь на всю жизнь». Так, в общем-то, и произошло.

Он подарил мне две машины: одну педальную и одну настоящую.

Правда, была еще одна игрушка, которую неожиданно принес домой отец и так же быстро ее унес. Это был радиоуправляемый луноход. В те времена это было из области фантастики. Но только сейчас, став отцом, я понимаю, что этот луноход был не для меня, а для папы. Все мужики – это большие дети, которым хочется поиграть в игрушки, которых не было в их детстве. Папа, немного поиграв и поняв, что все-таки сейчас не те времена для таких дорогих игрушек, отдал луноход куда-то обратно.

Взрослая рассудительность взяла верх над детскими мечтами и эмоциями.

Да я и сам, чего греха таить, много раз пытался склонить своего сына при выборе игрушки в пользу своих пристрастий, чтоб тоже немного поиграть.

Мне повезло, что наши интересы совпадают, и он тоже любит машины. Эта страсть к машинам никуда не делась до сих пор.

Я очень рано начал рулить. Сначала, сидя на коленях у отца, я только рулил и переключал передачи. Потом, когда стали доставать ноги, я уже давил на газ, и еще чуть позже я уже рулил по полной.

Поездка за рулем была для меня наградой за хорошую работу и, как правило, она проходила на проселочной дороге, когда мы ездили сажать бахчи (посадка арбузов и дынь). Несмотря на то, что работа на грядке занимала несколько часов, а поездка за рулем длилась от силы 5–10 минут, я все равно с нетерпением ждал этой поездки.

Первые часы обучения давались мне очень тяжело, я вылезал из-за руля мокрый от напряжения как мышьяк. Бывали моменты, когда я готов был сдаться и вылезти, но отец как профессиональный педагог дождал меня. Он очень рисковал, и я уверен, что ему было не очень просто меня обучать, потому что у нас было много моментов, когда я мог разбить машину. Чтоб было понятно, как он относился к машине, расскажу реальный случай из жизни.

Раньше все-таки машина была не средством передвижения, а роскошью.

Мы жили на 116 км, а это такой небольшой, как бы отдельный такой, район города, где все друг друга знают. А отца знали очень хорошо, потому что он в тот момент был директором школы.

И вот однажды, выйдя во двор, отец заметил мальчишек, которые крутились вокруг нашей машины и облизывали ее языком. Отец растерялся и, подойдя к мальчишкам, поинте-

ресовался у них, что они делают. На что они ему ответили, что они часто слышат от своих родителей, что директор школы свою машину вылизывает языком, и они хотят узнать, как это и какая она на вкус.

Вот так отец относился к машине. Он намывал ее, натирал воском, зимой мы ставили ее на кирпичи в гараже, чтоб пружины не смялись.

Вечерами мы ходили вместе с ним в гараж, садились в машину и нюхали ее. Нам очень нравилось, как пахнет ее пластик.

Представляете, что творилось с отцом, когда он видел что его «сокровище» летело в столб?

По прошествии многих лет я все это прочувствовал на себе, обучая вождению и жену, и сына.

Сколько же было нервов, криков, слез...

Сразу скажу что, несмотря на мою ангельскую внешность, я не был подарком, и самым моим слабым местом было мое поведение, точнее, мое плохое поведение.

Я избегаю слова «хулиганское», потому что к тому возрасту его никак нельзя применить.

Сейчас, вспоминая то, что я еще могу вспомнить, я сам себе удивляюсь и задаю себе вопрос: как я умудрялся и как я вообще был способен на такое в том далеком юном возрасте?

Даже страшно рассказывать.

Хулиганил я много, некоторые выходки стирались из памяти и заканчивались без жертв, но были и те, которые оставляли след на моем теле надолго, а некоторые – и на всю жизнь.

Однажды я, в очередной раз балуясь на кровати с подушкой, а именно: я пытался попасть ею в голову кому-то из родителей, на свою беду промахнулся и со всего размаха треснулся лбом о спинку кровати.

Я рассек себе бровь. Ну что говорить, крови и криков было хоть отбавляй! Шрам остался навсегда.

Надо сказать, что мозги у меня не работали тогда вообще, то есть их не было, потому что нормальному думающему хоть немного человеку никогда бы не пришло в голову то, что приходило мне.

Сейчас, вспоминая свои выходки, просто недоумеваю. Это еще раз подтверждает мою мысль, что мозгов у меня не было. И ни тогда, ни сейчас не понимаю и не могу ответить на простой вопрос: зачем?

В другой раз я такое сотворил, что стыдно признаться.

Я нашел маленький чурбачок, и уже не помню, то ли он был с гвоздем, то ли я забил в него гвоздь... Так что я делал: я ловил момент, чтобы подставить под ногу мамы чурбачок с гвоздем, естественно, торчащим кверху.

На мою беду, но больше конечно мамину, мое черное дело увенчалось успехом, и мама, наступив все-таки на гвоздь, проколола ногу насквозь.

Какова же была моя реакция? Единственное, чего я испугался в тот момент, это то, что меня могут сдать в милицию.

Хулиганил я много, но остальные мои выходки стерлись из памяти, однако, думаю, их наверняка хорошо помнят мои родители.

Один раз у меня была стычка с моей тетей, тогда мы еще жили вместе. Не помню, кто из нас победил, видимо, тетя, потому что я пару недель ходил со здоровенной шишкой на лбу и всем жаловался, выговаривая только два слова: «Ирка-шишка» (так звали мою тетю).

Тогда я еще плохо говорил и не знал более емких и красочных слов.

Ну что я еще помню из времен детского сада? Тогда мы еще жили на улице Степана Разина, и у нас рядом с домом был Пионерский спуск. Зимой по нему машины не ездили, и мы катались с отцом с него на санках.

Помню свой первый день в детском саду, как я орал как резаный, когда мама меня привела и оставила.

Помню, как один раз, поругавшись с лучшим другом, хотел его придушить.

Помню, как подглядывал в туалете за девчонками, и воспитательница поставила меня перед всей группой и сказала:

«Снимай штаны».

Помню, как не любил спать днем. Как же я потом, вспоминая, ругал себя, что я не понимал, как это бывает сладко – поспать днем.

Помню, как в обеденный сон нас не пускали в туалет, и я, просунув между кроватями свой писюн, делал свое дело на пол, за что меня потом наказывали. Зато я спал в сухой кровати в отличие от некоторых.

Помню, как мне на голову нагадили голуби, и как я отмывался, заливаясь слезами.

Как я уже говорил, мы жили на 116 км. У нас рядом был практически брошенный военный аэродром. Отец учил меня не только управлять автомашиной, но и прививал любовь к спорту.

Он был кмс по лыжам и периодически, взяв меня с собой, устраивал вылазки. Одна из вылазок мне очень хорошо запомнилась.

Естественно, чувство соперничества присутствовало всегда.

В очередной раз мы вышли на лыжню и погнали в сторону леса. Периодически отец интересовался, не устал ли я. Я не хотел выглядеть слабаком и продолжал хорохориться. И мы уезжали все дальше и дальше от дома.

Кончилось все тем, что геройство мое закончилось, и обратно я уже возвращался на буксире.

Мы связали наши лыжные палки вместе, и отец меня пер за собой, как снегоход.

ШКОЛА

Выбор школы был очень простым, вернее, его не было. Естественно, я пошел учиться в школу, где работала моя мама, так сказать, чтоб был на глазах и под присмотром.

Никому не пожелаю такого соседства. Шаг влево, шаг вправо, малейшее замечание – и все сразу становится известно моей маме.

Маму я видел только тогда, когда меня наказывали. Я заметил такую закономерность: если меня выгоняют из класса во время урока, то обязательно мимо проходит мама и ловит меня.

Она была очень строгой, и все ее боялись, но больше, конечно, уважали.

Мой дневник пестрел записями о моем плохом поведении. Самым страшным для меня был, конечно, вызов отца в школу, но обошлось. Несмотря на это, папа досконально знал мою ситуацию, хотя мама меня частенько жалела и выгораживала, поэтому периодически мне прилетало или ремнем, или проводом.

Проводом больнее, так жжет! Жжет, что можно надуть в штаны.

Поэтому я заблаговременно прятал все провода. Попадало мне не очень часто, и в какой-то счастливый для меня момент отец сказал, что я уже взрослый и пороть меня некрасиво.

С того времени я стал подключать свое самосознание, чтобы контролировать себя и не подводить родителей.

Именно на авторитет родителей и делался всеми основной упор в моем воспитательном процессе.

Со школы и началась моя закалка.

Надо сказать, что моя школа не простая, а с углубленным изучением французского языка.

И почему-то считалось всеми, что в ней учатся хлюпики и маменькины сынки.

Поэтому из соседних школ к нам постоянно приходили незваные гости, чтоб отнять у нас деньги или просто тупо побить.

Разборки происходили почти каждый день и каждую перемену и, как правило, всегда не в нашу пользу.

Я с гордостью могу сказать, что именно с нашего класса наступил переломный момент. Конечно же, это не получилось само собой и далось нелегко.

Долгое время мы ходили с синяками, но мы все равно прекратили стычки с хулиганами из соседних школ.

Для этого мне пришлось даже записаться в секцию бокса. Я долгое время не мог ударить в лицо противника.

Но по прошествии некоторого времени проблема была решена.

Мы сломали стереотипы, сложившиеся годами, и заставили себя уважать.

Боксом я занимался недолго, но этого хватило, чтоб остудить пыл гостей и навести порядок на школьной территории.

Естественно, я был не один, у нас была целая команда, и мы выходили на разборки, несмотря на численное превосходство наших противников, чем и завоевали в последующем их уважение.

Ну и слухи про бокс сыграли тоже немаловажную роль в этом. Нельзя сказать, что мы не боялись.

Мы боялись, страх был иногда панический, страх такой, что руки и ноги дрожали. Но мы, несмотря ни на что, выходили на улицу на разборки.

Хочу оговориться, что тогда все-таки были другие времена, и самое страшное, что могло быть, – это неравный бой, несколько человек могли избить одного, и то это редкость.

Разборки проходили на кулаках, без ножей и пистолетов. Чего не скажешь про сегодня. Все понятия о чести размыты, и уже не знаешь, откуда и что может прилететь.

Поэтому сейчас времена уже не те, и не надо никому ничего доказывать. Лучше избегать ненужных стычек.

Это в качестве совета: пока не загнали в тупик, быстрые ноги – это лучшее оружие на сегодняшний день.

Как я уже сказал, занимался я боксом недолго, мне запретили врачи после очередной медкомиссии.

Но так получилось, что мне пришлось выступить на соревнованиях уже после того, как я завязал с боксом.

Я уже точно не помню причины, но тренер мне сказал, что нужно выступить за нашу секцию, и в моем весе больше никого нет.

Ну и я, так как не люблю подводить людей, которых уважаю, согласился. К этому моменту я уже не тренировался несколько месяцев, что меня сильно смущало, и сказал тренеру о своих сомнениях.

На что он ответил: «Выйдешь попрыгаешь, результат не важен, главное участие, да и противник – слабак, может, и выиграешь». Меня его слова приободрили, конечно, но на деле все обернулось иначе.

Противник был здоровый тренированный парень, да и моя тренированность была на нуле.

В общем, насовал он мне по полной.

Я уже плохо соображал и помню один момент между раундами.

Я сижу, мне хреново, морда болит, сил нет, воздуха не хватает, голова не соображает, и мне тренер говорит:

«Подними руки, держи руки выше», и я беру и поднимаю их вверх, а он мне: «Да не сейчас, а во время боя».

Я проиграл, но самым ценным для меня было то, что тренер поставил меня в пример и сказал всем, что у меня надо учиться мужеству, несмотря на то, что выглядел я плачевно.

И вот такой весь мужественный сидел я после боя в душе и блевал, но блевал гордо, как герой.

Бокс мне помог не только в школьные времена.

Самое важное – это то, что занятия боксом дают тебе не только умение драться и возможность постоять за себя.

Бокс дает тебе внутреннюю уверенность и спокойствие, которое ощущается на расстоянии и очень хорошо чувствуется нападающими.

Поэтому большая часть разборок до драк не доходила.

МУЖСКАЯ ШКОЛА – АРМИЯ

После школы я, как все, поступил в институт на тогда еще престижную профессию инженера.

Отец меня не стал «отмазывать» от армии, и после первого курса института меня призывали.

Я, конечно же, в армию не хотел и вообще не понимал, зачем она мне.

Но тут, в принципе, как в поговорке, что нас не убивает, то делает нас сильнее.

Я уже говорил, что я был болезненным ребенком, у меня было плоскостопие, у меня были какие-то шишки на коленках. В общем, я сильно надеялся, что меня не возьмут в армию по состоянию здоровья. Я прошел медкомиссию, и все мои болячки были подтверждены, что еще больше в меня вселило надежду на «отмазу».

Каково же было мое удивление, когда меня не просто взяли в армию, но и определили в пограничные войска и послали служить на Дальний Восток на границу с китайцами.

Я и вся моя семья, конечно же кроме папы, были в шоке.

Я должен был уехать на 2 года за 9 тыс км, хотя до этого я не ездил ни разу даже в пионерский лагерь и не уезжал от родителей больше чем на неделю в деревню к бабушке.

Усугубляло ситуацию то, что в те времена шла война в Афганистане, и даже в наш дом вместо ребят возвращались гробы.

Перед поездкой на перевалочный пункт в Сызрань я коротко постригся, первый раз в жизни срезав свои кудри.

В Сызрани меня уже побрили машинкой. И мы стали ждать так называемого «покупателя».

Было интересно смотреть на этот процесс.

Выходит военный в центр площади и выкрикивает ФИО призывников.

Они выходят, и он их забирает и увозит в часть. Существовал реальный шанс поменять команду, не откликнувшись на переключке.

Так многие и делали, если «покупателем» был моряк

(служить надо было 3 года вместо 2).

Но потом «покупатели» поумнели, и сначала выходил просто любой военный, а потом уже, когда группа сформировалась, показывался «покупатель», и до последнего момента ты не знал, куда попал.

В общем, меня «купили» в погранвойска, посадили в самолет и повезли, предупредив, что 90 процентов попадут в Афганистан. Мы были в шоке.

И вот мы прилетели.

Мы вышли из самолета и окунулись в совершенно другой климат, влажность была настолько высокой, что в воздухе висели капельки воды, такого я никогда не видел.

Нас загнали в барак и сказали ждать. В бараке были деревянные полаты, после 15 минут отдыха на них все тело уже ныло.

Нас перевезли в учебку в Благовещенск. Так как мы были после первого курса института, то нас определили в связисты, и, исходя из сложности и специфики, наша учебка должна была продлиться 9 месяцев вместо 6.

Наступили тяжелые времена. Нас гоняли, как не знаю кого, сравнить не с чем.

Я по натуре чистюля, а здесь в одной одежде спишь, ешь, бегаешь, тренируешься, сохнет все на тебе. Мыться можно исключительно в умывальнике под холодной водой. Белье и одежда меняются раз в неделю после бани.

Больше всего мне не нравилась политинформация, потому что она проходила после марш-броска, и ты садился, слушал и высыхал потихоньку.

Еда. То, что мы ели, сложно назвать едой.

В основном это был «клейстер». Не знаю, как объяснить, что это, но поверьте, что это несъедобное дерьмо.

Наедались только хлебом. Бывали, конечно, праздничные дни, когда получалось попасть в магазин и купить печенья и конфет.

Самая вкусная еда – это бутерброд: два печенья, а посередине – конфета.

И то это можно было съесть только ночью, и если тебя не поймают сержанты. Если поймают, то отберут все сладости, и до утра придется мыть туалеты.

Все призывники сильно похудели от такого питания.

Как правило, когда попадаешь на учебу, то про тебя уже все знают, в основном старослужащие.

Тут опять мне помог бокс.

Меня уважали, не трогали и даже проявляли высшую степень уважения – по ночам звали меня с собой качаться.

Остальным повезло меньше, хлюпиком быть нельзя, задавят.

В то время дедовщину еще не искоренили до конца.

Трогать меня боялись, но выполнение приказа старшего по званию – это святое, поэтому меня воспитывали через труд нарядами вне очереди.

Так как я был с характером и не особо сговорчив, то меня очень часто посылали в наряды.

Наряды – это отдельная песня.

Могут поставить на тумбочку на суточное дежурство, а могут послать на кухню. На тумбочке ты «заплываешь» по ночам в казарме (драишь ее до блеска), а на кухне сначала чистишь картошку, ведер пять (правда, не один), часа три, а потом моешь посуду после завтрака, обеда и ужина и полы.

Так как мы были связистами, то мы должны были овладеть азбукой Морзе.

Это, я вам скажу, нереальная тема.

Долгое время она мне не давалась совсем, и я уже, грешным делом, думал, что переведут меня, но меня держали из-за моей общей физической подготовки.

Ну и, как говорится на гражданке, терпение и труд все перетрут, а в армии: не можешь – научим, не хочешь – заставим, сделали из меня все-таки неплохого связиста.

Самое смешное, что азбука мне так и не пригодилась в последующем.

Прошли долгие 9 месяцев, и меня распределили на заставу, причем не простую, а именную.

Это было очень почетно.

Застава носила звание героя-пограничника.

Застава – это другой мир. Здесь одна большая семья, но все очень строго.

Поначалу тебя испытывают на прочность.

Так сказать, проходишь обкатку холодом, трудностями, работой и бессонницей. Один большой плюс, который сразу ощущаешь на себе, – это еда.

Огромная, кардинальная разница. Здесь как будто вернулся домой.

Деревенский хлеб, парное молоко, мясо, сметана и т.д. Но по порядку.

На заставу я попал зимой. Погода на Дальнем Востоке – жуть.

Мороз под 40, и ветер, сдувающий с ног. Естественно, из одежды только то, что выдали в учебке.

Это уже только потом мне прислали теплые носочки, кальсоны, рукавички и т.д.

Но пока у меня не было даже зимней формы.

Была летняя форма и летние портянки (в учебке не успели перейти на зимнюю форму одежды).

Меня завели, познакомили с начальником заставы и тут же отправили на службу часовым на 8 часов!!! Я был в шоке и не знал, что делать, чтоб не замерзнуть.

Правда, мне выдали в бытовке тулуп, валенки, я нашел какие-то более теплые портянки. Напялил все на себя, и мы вдвоем с моим старшим, а он был еще с собакой (здоровая овчарка черного цвета), вышли на службу.

Самое страшное, что ты не можешь согреться движением, потому что, во-первых, нельзя шуметь, а во-вторых, при малейшем намеке на пробежку эта здоровая псина кидается на тебя и норовит прикусить.

Уже не помню, как я вынес это все.

Помню, что когда вернулся со службы, два часа сидел на трубах отопления и отогревался.

Что самое странное, я ни разу не болел, ни в учебке, ни на заставе. Видимо, организм понял, что жалости ждать неоткуда, и собрался в единое целое.

Потому что лечение от всех болезней было одно, как говорится, клин клином. И если кто-то заболел, его посылали на службу в мороз часов на 8, и болезнь, видимо, замерзала и отступала.

С собакой у меня произошло еще одно приключение.

Все новички должны были хотя бы раз симитировать нарушителя и выступить в роли приманки для служебной собаки. И меня эта традиция не обошла стороной.

Как это все выглядит?

Есть специальный толстый костюм, который прикрывает твоё тело практически полностью и защищает тебя от укусов.

Но, как это у нас часто бывает, костюму этому было много лет, он прилично поизносился и был уже недостаточно толстым.

Да и с собакой мне не очень повезло. Манера задержания у нее своеобразная была.

Обычная собака хватается нарушителя и держит его мертвой хваткой. А эта имела такую особенность – перехватывать, и получался не один укус, а множество.

С точки зрения задержания настоящего нарушителя, это, наверное, и правильной, но не для меня.

В общем, меня удачно задержали, удачно для наряда с собакой. Когда я вернулся и разделся, то все мои ноги и спина были в синих кровоподтёках.

Я, пребывая в состоянии аффекта и крайнего возбуждения, перемешанного с возмущением, пошел к начальнику заставы и все ему продемонстрировал, за что сразу же получил еще наряд на сутки и три часа строевой подготовки на плацу.

Были, конечно, и положительные моменты, как я думал вначале, но потом все обернулось против меня.

Это я про еду. Оголодавший после учебки, я, конечно, набросился на деревенскую еду и отъелся так, что меня на фотографиях друзья дома перестали узнавать.

Но страшное заключалось в другом. У нас было много физической подготовки, и заключалась она, в принципе, в беге.

Бега было много и разного.

Мало того, что весь бег осуществлялся в кирзовых сапогах, так еще и в разных вариациях.

Утренний кросс в штанах и сапогах, дневной марш-бросок в так называемой полной выкладке, а именно: полностью одетый, с фуражкой, плюс на себя навешиваешь рюкзачок,

автомат, патроны, ОЗК (общевойсковой защитный комплект) и, чуть не забыл, лопатку саперную.

Последняя – это страшная штука, которая, как бы ты ее ни крепил, через десять шагов начинает бить тебя между ног. Вечерочком тоже возможен был забег, если у начальника заставы было плохое настроение.

В те дни, когда у начальника было совсем плохое настроение, обеденный марш-бросок проходил в ОЗК.

Тому, кто не знает, это резиновый костюм противохимической защиты, который покрывает тебя с ног до головы, и плюс противогаз.

Ощущения такие, как будто бежишь в бане в парной. Были случаи, когда ребята теряли сознание, ну ненадолго.

Это было летом, а зимой все то же самое, но на лыжах.

Лыжи, правда, были не такие, как мы привыкли видеть – с ботинками, креплениями и т.д.

Это были дрова с загнутыми носами и креплениями под валенки.

Так вот мы развлекались. Ну и так как я набрал очень много, судя по физиономии, бег мне давался не то что тяжело, а просто невыносимо, и каждый раз он сопровождался выворачиванием меня наизнанку.

Я понял, что еще немного, и я не выдержу. Пришлось взяться за себя по серьезному.

Я начал вставать в 5 утра и бегать. Вечером, вернее, ночью, ходил в зал качаться.

И это было плюсом к ежедневному расписанию по физподготовке. Практически так было каждый день, не считая тех случаев, когда я был на службе.

Кроме этого, я пересмотрел свое питание, хотя это было сделать еще труднее, чем тренироваться.

На завтрак я ел кашу и компот.

На обед я ел только первое и компот. Свое второе я менял на еще один компот, желающие были.

На ужин пил только компот или два. Хлеб я совсем исключил из питания.

Так я воспитывал свою волю, формировал характер и закалял тело.

Не помню, сколько это все продолжалось, но, думаю, приблизительно с полгодика.

В результате я вернул себе свою физическую форму, а главное для того момента, я перестал блевать на марш-бросках и кроссах.

Армия не столько закалила меня физически, сколько морально.

Без преувеличения могу сказать, что очень тяжело после жизни на гражданке, когда о тебе заботятся все: родители, бабушки, дедушки, учителя, – окунуться в кардинально другую жизнь, в которой на тебя всем наплевать. Очень тяжело морально, когда понимаешь, что тебя никто не пожалеет и не поможет.

Организм мой настолько мобилизовался, что я ни разу не заболел, хотя дома я очень часто простужался.

Самое ужасное, что продолжалось это не день, не два и не месяц.

Поэтому просто перетерпеть невозможно, нужно просто учиться жить в этих новых условиях.

К сожалению, спортом по-серьезному я так и не увлекся, ни до армии, ни после.

Вернувшись домой, я практически ничем не занимался, только изредка ходил в бассейн.

ПРО ЗДОРОВЬЕ

Началось все с бассейна.

Но это было уже позже, примерно лет в 30.

Устроившись на очередную работу, я стал чаще посещать бассейн.

И вот однажды, решив понырять с тумбочки, я как-то резко и сильно закинул ноги и ощутил невыносимую боль в спине.

Так вот вдруг, неожиданно началось мое, не совсем приятное, знакомство с грыжами.

Тогда еще я не знал свой диагноз и наивно полагал, да и врачи так считали, что у меня всего лишь воспаление мышцы.

Я передвигался как будто кол проглотил.

В тот первый раз я выздоровел, правда, меня и кололи, и массажировали, и делали всевозможные физиопроцедуры в течение месяца.

Я даже почти забыл про спину, но, в очередной раз играя в волейбол, я опять как-то неудачно подпрыгнул за мячом и опять почувствовал уже знакомую боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.